

Ерванд МАРГАРЯН

**АНИ – ЦАРЬ-ГОРОД. АНИ – ГОРОД МЕЧТЫ.
ГОРОД-МИФ. ГОРОД-УТОПИЯ.***

Ани– царь-город. Вот уже многие века, по аналогии с Арташатом и Тигранакертом, историческое сознание армян рисует облик стольного города Ани, чьё гордое чело украшено царским венцом. «Царский» период анийской истории по сей день продолжает восприниматься как в некотором роде мифический «Золотой век». Впрочем, сама потребность в мифологизации (как и вытекающей из неё последующей демифологизации) и то, как она осуществляется, свидетельствуют о присутствии здесь некоего высокого символического смысла. С самого начала этот смысл был связан с рождением города и с необходимостью его возобновления и актуализации в изменяющихся обстоятельствах. Сама эта интенция креативного опережения становилась мощным «мифологизирующим» и «символизирующим» стимулом к созданию особого образа города.

При этом мифический образ царя-города невозможно представить без образа царя-демиурга, идеального земного правителя, царя-космократора¹, спасителя своего народа, посредника и одновременно соединителя божественных и земных законов. Потребность в таком медиаторстве стала существенным фактором генезиса и институционализации армянской государственности. Багратиды, с древнейших пор бывшие не только венцезолагодателями, но и хранителями божественных установлений и традиций, носителями рационального и одновременно мистического начала, эталоном праведности и справедливости, как нельзя более подходили на эту роль. Вся деятельность этого древнего рода была направлена на восстановление и сохранение порядка, который существовал в изначальные, предвечные времена, эти идеальные прообразы сущего.

В первую очередь это относится к образу первого царя Багратида – Ашота I, который в народном сознании рисовался как богоизбранный и потому «законный царь». Согласно традиции, его избирали (выкликнули царём) на церковном соборе (в прежние времена, на народном собрании) лучшие люди страны, а Господь наделял особой «судьбой», и Он же спустил с небес «божественную царственность» в образе орлицы или голубицы.

Отличительной чертой царя-демиурга являлась строительная деятельность в прямом смысле (возведение нового и/или реконструкция старого храма/, строительство дворца и неприступных крепостных сооружений, рытьё каналов, насаждение садов-парадисов) и в метафорическом значении – восстановление правопорядка и справедливости в стране, возвращение к древним, божественным установлениям и традициям. Практически все венценосные Багратиды соответствуют этому архетипу: отстроивший Карсский кафедральный собор, в молодости могучий воин, а в зрелые годы мудрый правитель Абас; основатель Ани

* Статья в качестве доклада была представлена на международной научной конференции «Историко-культурное наследие и современность», состоявшейся 4-6 октября 2013 г. в Гюмри.

¹ Космократор (греч.) – миродержец, «Строитель Вселенной», «архитектор мира», или олицетворённая Творящая Сила.

Ашот III, перенёсший столицу из Карса в Ани; строитель второй линии оборонительных укреплений вокруг Ани- Смбат II Космократор; построивший величественный Анийский кафедральный собор Гагик I, носивший гордый титул «шахиншах армян, грузин и алуанцев»; и, конечно же, последний Багратид на армянском престоле, бесстрашный защитник города, гордый и независимый Гагик II. С их космократорской деятельностью связаны такие важнейшие события и явления армянской истории, как избавление от иноземного владычества, превращение Армении в державу регионального масштаба, долгожданный, хоть и недолгий, внутренний мир, обеспеченный авторитетом законной и богоизбранной монархической власти, представленной достойнейшими царями своего времени. Важное место в историческом контексте Ани занимает законодательная деятельность армянских Багратидов, имевшая целью освящение, или космизацию, мироздания, собрание под свою длань христианских стран и народов, расположенных к северу от Армянского нагорья. Все эти события расценивались не иначе как долгожданное исполнение древних пророчеств и велений Всевышнего, наивысшим проявлением которого стала «Анийская миссия». Космократорская деятельность царей также ассоциировалась с очищением от чужеродного мусульманского и византийского влияния, обнулением элементов мусульманского права, реституцией сословных и имущественных прав армянской знати и армянских городов.

Таким образом, город Ани, со дня своего создания и вплоть до падения династии анийских Багратидов в 1045 г., в коллективном сознании армян воспринимался как столичный город с имперскими амбициями, проникнутый осознанием своей мессианской роли. В то же время совершенно очевидно, что без Ани, его экономического и культурного влияния на близкие и далёкие города и страны, Багратиды не смогли бы добиться сколь-либо ощутимых успехов в осуществлении своих амбиций. Авантажность Багратидов в гораздо большей степени была обусловлена престижем города, его богатством, великолепием и роскошью, нежели военной мощью.

Ани— город сакрум. В доиндустриальную эпоху понятие города было прежде всего связано с идеей преграды, защиты, укрытия, определяемого городскими стенами. Ограда знаменовала не просто защищённость города, но и его семантическую отгороженность от внешнего мира, враждебного и потенциально чуждого городу. По сути, крепостные стены были не просто неотъемлемой составной частью города, они играли ключевую роль в определении и городского пространства. Для анийца, как и для любого средневекового горожанина, крепостная стена была водоразделом своего мира, освоенного человеком, превращённого в пространство культуры и цивилизации, и мира чужого, необработанного, неосвоенного. Ведь в сознании средневекового горожанина город был царством рациональной организации и строгой иерархической сорасположенности, границей космоса и хаоса, оформленной тверди и бесформенной природной стихии. Хаотичности деревенского стихийного расселения здесь была противопоставлена планомерность городской застройки, исходящая из замысла героя-создателя—Ашота III Багратуни.

Пространственная ориентация в Ани зиждилась на вертикальной перспективе: здесь горизонтальному, хаотичному, спонтанному принципу деревенского расселения, состоявшего из низких, наполовину «вросших» в землю жалких

глинобитных лачуг, были противопоставлены высокие многоуровневые храмы, дворцы и дома мещанов, с магазинами и эргастериями на первых этажах. Более того, в вертикальной перспективе Ани – город трёхуровневый, символизирующий трёхчастную структуру мироздания: Град небесный (город-сакрум), Град земной (междумирье) и Град подземный (Картун).

В сознании как всего средневекового армянства, так и жителей практически всех сопредельных стран, Ани действительно был своеобразным городом-сакрумом, «городом тысячи и одной церкви». Естественно, в городе не было, да и не могло быть такого невероятного количества церквей. Однако эта мифопоэтическая цифра здесь появилась отнюдь не случайно. Подобная сакральная нумерология призвана была подчеркнуть близость города к небесам, указать на его сходство с Градом небесным и близость к Небесному покровителю. Городу-сакруму присущи праведность и добродетельность, благочиние и чистота. Здесь справедливость получает немедленное воздаяние, красота обретает царственное достоинство, слово – статус божественного закона. Для исторических и социально-утопических легенд также важную роль играло усиление мотива сакрального построения городского пространства. Город обладал своим особым сакральным центром и периферией, замыкаемой священной оградой. Так, небесная символика образует особую смыслообразующую ткань, придавая образным характеристикам города особую значимость, делая его источником начал и центром вечного притяжения. Все эти признаки указывают на положение города между небом и землёй, делает его образ отражением образа небесного мира.

Ани – город мечты. Город-миф. Город-утопия. Со времени, когда Ани сошёл с исторической арены, превратившись в миф, нарывающую рану в сердцах патриотично настроенного армянства, образ города стал покрываться утопической поволокой, превращаясь в миф и одновременно мечту об идеальном городе – в Армении и для армян. В этом утопическом прообразе, некоем идеальном прототипе города, присутствуют все признаки города-утопии: пространственная изолированность, вневременность, автаркия, урбанизм, регламентация, коллективизм и др.

Архетипическим локусам утопического пространства всегда была характерна некая изолированность и самоустранённость от окружающего мира. Именно таким перед нами предстаёт город Ани, пространство которого определено линиями городских стен и заселено деятельными людьми, преобразовавшими это пространство в большой город. Как уже говорилось, в основе анийского исторического текста лежит миф творения, исторические мифологизированные предания, связанные с великими монархами, видными историческими фигурами, особыми персонажами покровительниц, царицами и знатными матронами, нередко святыми в народном мнении и т. п. Это неизбежно порождает автаркию города и самодостаточность его жителей.

И всё же Ани отличается от классического города мечты, созданного воображением пророков-мечтателей, или мифических городов прошлого, канувших в Лету. Величественные руины придают городу ореол магнетической реальности. Они не дают усомниться в подлинности города и заставляют думать, что все, даже самые высокопарные эпитеты средневековых и современных авторов справедливы и их описания города подлинны, а если и являются преувеличе-

нием, то лишь в незначительной степени. Другой особенностью анийского текста является его вневременность. В представлении даже современных историков-медиевистов Ани являет собой своеобразное архетипическое пространство, в котором время остановилось. Все величественные строения, слава и богатство ассоциируются с Золотым веком города – царским периодом его истории. Это характерная черта любой утопической системы, которая, будучи установленной раз и навсегда, не подвержена и не может быть подвержена изменению. Любая классическая утопия неизбежно становится как бы картиной застывшего настоящего, образчиком статического времени, в ней не существует динамической дихотомии «прошлое – будущее», развитие в ней невозможно. Отсутствие развития устраняет проблему исторической причинности.

Однако наиболее полное совпадение с утопическим идеалом образа Ани – урбанизм. Топос идеального города – наиболее устойчивый из топосов утопической мысли вообще. Именно в Ани, насколько это можно судить по планировке города, был осуществлён план построения структуры идеального города, разработанный и осознанно применённый знаменитым античным архитектором и философом Гипподамом Милетским. Спроектированные им города были составлены из правильной сетки улиц и кварталов и согласованы с космогоническим видением античной Вселенной. «План правильного города... обеспечивал жителю греческого полиса адекватную возможность вписаться в определённую систему»². Идеальный город Гипподама не был рассчитан на развитие и проектировался под определённое, крайне незначительное по современным масштабам количество обитателей. Геометрический план отражал однородность, утверждённую властью закона. По тому же принципу был спроектирован и отстраивался средневековый Ани. Планировочная структура Ани, как и любой проект идеального города, идеологична: чёткий план города символизирует и подразумевает устойчивую форму правления. В архитектурно-космогонических проектах армянских Багратидов пространственные законы нашли воплощение в пространственных формах, а их регламентирующий смысл – в упорядоченной картине, сложившейся в уме законодателя. По этой же причине аналогичное значение геометризму городского пространства приобрёл в утопическом дискурсе Европы эпохи Возрождения.

Характерно, что и в наши дни в армянском коллективном сознании Ани остаётся городом-утопией. Армянская интеллигенция, не способная расстаться с ретроспективностью своих утопий, неизменно переносит в будущее идеалы и мифы славного прошлого своей страны. Показательной в этом отношении является любимый армянской интеллигенцией романс на слова О. Ширази: «Увидеть Ани и уж затем умереть...»³.

Противопоставленность городского пространства миру деревни, монастыря и феодального замка. Обладая социальным и экономическим превосход-

² Аинса Ф. Реконструкция утопии. М.: Наследие, 1999. С.25.

³ Հովհաննես Շիրազ. Տեսնեմ Անին ու նոր մեռնեմ
Դեռ մի կարոտ ունեմ անհազ՝ հասնեմ Անի ու նոր մեռնեմ,
Բանամ ճամփիս դռները փակ, տեսնեմ Անին ու նոր մեռնեմ:
...Բարսիանվեմ իր բաց Վերքին, մանուկ ծնեմ մեռած մորից՝
Ախուրյանի օրորի տակ, փրկեմ Անին՝ կարոտս անեմ:

ством над деревнями, город «извлекает средства существования [и оправдывает само это существование], лишь вступая в многообразные сношения с окружающим миром, разрастается только благодаря этим сношениям»⁴. Всякий город жил благодаря тому, что его рынки, ярмарки, службы, площади приносили пользу окрестным деревням и деревушкам. Вместе с тем, дальнейшее развитие городской жизни порождает неизбежное противопоставление города и деревни, временами перерастающую в непримиримый, пропитанный всевозможными и непримиримыми суевериями антагонизм. Это противопоставление проявляется не только в дуальном противопоставлении – горожане-крестьяне, но и в оппозиции природа-цивилизация, рационализм-суеверие, просвещённость-необразованность, инновационность-консерватизм. Так, по принципу «от противного» складывалось коллективное сознание горожан. Тот, кому удавалось попасть в город, интегрироваться в него, стать его частью и уж тем более добиться некоторого успеха, смотрел свысока на селян даже тогда, когда это касалось его родственников. Любой горожанин считал себя цивилизованным и рационально организованным⁵. Не только само пространство города с выделенным центром и подвластной ему периферией, но и взаимоотношения между городами и подвластными им землями в коллективном сознании анийцев приобретали характер иерархического соподчинения. В феодальную эпоху – эпоху практически полного отсутствия городов и преобладания культа земли и властвующей феодальной фамилии – доминирующей была иная система ценностей, другой принцип иерархической подчинённости.

Однако в анийскую эпоху не только сами горожане восторгались городской жизнью, город становится притягательным и для сельских жителей. Для сельского общества город нередко воплощает весь внешний мир, являясь как средоточием административной и судебной власти, так и центром торговли. Образ города отныне начинает восприниматься как нечто яркое, светлое, возвышенное, заставляющее стремиться к нему, искать его, мечтать о нём. В нём, как в фокусе, отражается вся сложность общественной структуры. В этом качестве город становится олицетворением не просто «властной» идеи, но и организованного социума вообще. Именно вокруг этой идеи строятся взаимоотношения между городом и окружающим пространством. Формируется устойчивый образ городской жизни, часто не соответствующий подлинному содержанию городской жизни. В представлении людей X-XI вв. город – это особый, «иной мир», где скудость крестьянского быта сменяется роскошью, а реальная жизнь впроголодь и вечная борьба за существование сменяется сытостью и расслабленным бездельем. Серым краскам обыденности сельского быта в городе противопоставлены роскошь убранства многочисленных церквей и дворцов, изобилие товаров на рынках и магазинах. В коллективном сознании армянства Ани представлен как город, в котором даже простой пастух мог для своей жены построить церковь, и сегодня известную как Церковь пастуха. Привязанность человека к земле здесь перечёркивается надземным положением города. Здесь человек становится богатым, открывает в себе доселе дремавшие способности. Здесь исполняются его самые сокровенные желания. Зависимости от природы в городе противопостав-

⁴ Бродель Ф. Что такое Франция? Там же.

⁵ Здесь, пожалуй, уместно сравнение с высказыванием Тюрго: «Крестьяне не столь цивилизованны, как буржуа, а буржуа – не в такой мере, как придворные».

лена полная власть над ней, социальному подчинению – право господства и так далее. И не важно, что реальный город не соответствует этим характеристикам. Важна социально-психологическая мотивация такого образа.

Одним из определяющих признаков притягательности городской жизни была непрерывная «ротация» населения Ани, резко контрастировавшая не только с демографической застойностью на селе, но и с другими городами страны и региона. Ани трижды подвергался полнейшему разгрому и уничтожению, однако восстанавливался и заселялся в кратчайшие сроки. Характерно, что именно в это время в сознании жителей всего региона, и не только, окончательно сформировался и надолго закрепился образ армянина-горожанина, армянина-строителя, армянина-умельца, армянина-предпринимателя, армянина-интеллигента. Ведь именно в городе и только в городе мог сформироваться этот особый, не характерный для средневековья тип человека, остающийся своеобразной визитной карточкой армянства на протяжении вот уже свыше тысячи лет.

Однако наряду с этим в средневековой Армении сохранялось и характерное для традиционного сознания негативное отношение к большому городу. Опозиция «свой» – «чужой» во многом строилась на противопоставлении индивидуального и коллективного времени. Пожалуй, наиболее важной отличительной чертой города и окружающего его традиционного патримонального мира, является отсутствие в нём индивидуального времени. Мир патримональный продолжал жить в соответствии с природными ритмами и в как бы застывшем церковном времени. Негативное отношение к городу и городской жизни зафиксировано в народном эпосе «Сасунские безумцы» и в трудах церковных армянских авторов. Так, Аристаке Ластивертци характеризует Ани как город, *«который погряз в грехах, как сосуд, полный до краёв»* (глава 29). А подвергшийся разорению царский дворец, *«это высокое и красивое со всевозможными удобствами здание, запылал от избытка неправедностей, творившихся в нём; все жилища обратились в громадную кучу непла, и прекратились в них деяния лихоимства и коварства»*⁶. В гибели Ани летописец видит справедливое возмездие за грехи горожан, ибо таков *«удел всех неправедных городов, которые строятся на крови людей и богатеют за счёт бездомных, трудящихся в поте лица, где богатые укрепляют дома свои на лихве и нарушениях прав, сами же алчно ищут себе наслаждений и неги, не имея в душе никакой жалости к бедным и бесправным, и не чуждаются грязных дел, будучи охвачены дурными страстями»* (там же).

Эта идеологическая рознь вокруг Ани, Арца и других средневековых армянских городов не может быть абсолютно игнорирована и пусть схематично, но должна быть здесь обозначена. В коллективном сознании средневекового, архетипически мыслящего армянина Ани и Арца как бы расположены одновре-

⁶ Данная выдержка приводится в переводе Н. Я. Марра (см. Ани. С. 49, 52, 56). Приведём также фрагмент из перевода К. Юзбашяна: *«Таков удел неправедных городов, которые обстраиваются ценой крови чужестранцев, процветают за счёт пота бедняков, ростовщицеством и несправедливыми сделками укрепляют свои дома. Безжалостные к неимущим, они стремятся лишь к веселью и неге, не чуждаются грязных дел, они опьянены [недостойными] желаниями. Что станет с ними, когда постигнет их гнев господний? Они погибнут, растают, как воск от огня, будь то царь или шихан, как нам известно из писания»* (Аристаке Ластивертци. Повествование вартанета Аристака Ластивертци о бедствиях, принесённых нам инородными племенами. // XXIV. Об избиении мечом прославленного на весь мир города Ани. Перевод К. Н. Юзбашяна. М., 1968).

менно на двух противоположных полюсах восприятия. На одном из них оба города предстают единственными по-настоящему цивилизованными, культурными, образцовыми, даже идеальными городами как в масштабах самой Армении, так и далеко за её пределами. На другом – мы сталкиваемся с совсем иным отношением к городу, которое зиждется на убеждении, что для человека нет среды хуже, чем большой город. Нигде душа человека не подвергается большему разрушению, чем большой город, который является вместилищем всех пороков и язв цивилизации. Отсюда эсхатологические пророчества и анафематствующие поношения церковных нравоучителей в адрес города и приверженцев городского образа жизни.

Безусловно, представления о бесчеловечности Ани в трудах армянских авторов органически связаны с религиозным типом средневекового мышления и основанном на нём эсхатологическом мифе о греховной природе самого города, как и всего, что связано с ним⁷. «В мифопоэтической и провиденциальной перспективе город возникает, когда человек был изгнан из рая и наступили плохие времена: человек оказался предоставленным самому себе и отныне заботиться о себе должен был он сам. Смысл этого ответственного переломного момента в истории человечества – независимо от того, берётся он в связи с историческим или мифопоэтическим рядами, – можно передать заглавием книги Чайлда "Man makes himself"⁸. Посему в трудах армянских авторов город предстаёт блудницей, клоакой и гноищем, он несёт в себе все симптомы заката цивилизации, эсхатологические предвестия конца исторического времени. В облике Ани и Арцна явственно проступают архетипические черты обречённых городов прошлого: Ниневии, Вавилона, Содомы и Гоморры. Аристокэс Ластивертци, описывая бедствия, обрушившиеся на Арцн, прямо и недвусмысленно отождествляет его с Содомом: *«Но кто опишет многочисленные тяжкие бедствия, постигшие наш город! Как сказано о содомитах: «Солнце возило над землёю, и пролил господь на Содом огонь и серу и сжёг его» (Быт., 19, 23-24). Так и ныне...»* (Там же. Гл. XII).

Размышляя над метафизической природой постигших Армению бед, Аристокэс Ластивертци стенает: *«Наступили для нас дни мучений, и постигли нас великие бедствия, ибо переполнилась мера грехов, и суетный глас наш вознёсся к Богу! Каждый смертный свой путь осквернил, страна исполнилась нечестивости, убавилась справедливость, возросло беспутство, мирянин и иерей изолгались перед богом. Вот почему племена инородные смогли изгнать нас из обиталища нашего, и поругана наша честь и слава. Исыякло дыхание, мы гибнем в отчаянии, нас поглотила всемогущая смерть, а преисподня смолчала при этом! Со всех сторон потянулись к нам руки, и в дни нашей гибели не пощадила судьба и тех, кто избежал кары [в прошлом]. Сменились поколения, исыякло плодотворное дыхание жизни.. Утвердившиеся на чужбине ушли во второе изгнание, – их изгнали мятежные бродяги! И, отторгнутые от любимых, мечом пощажённых, они рассеялись как звёзды-планеты. С четырёх сторон ныне войны проснулись: с востока – меч, с запада – гибель, с севера – пламя, с юга – смерть! Радостям пришёл*

⁷ Топоров В. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте. // Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 121-132.

⁸ Топоров В. Указ. соч, С. 121.

конец, умолкли звуки лиры, рокот кимвалов умолк, и вознеслись рыдания...» (Там же. Гл. D).

Таким образом, безусловно, Ани – это то место, где национальное самосознание и самопознание достигло того предела, за которым открываются новые горизонты жизни, где армянская культура справляла лучшие из своих триумфов, необратимо изменившие самоощущение армян, их идентитет. Вместе с тем, согласно армянским средневековым авторам, Ани – центр зла и преступления, где страдание превысило меру и необратимо отложилось в народном сознании; Ани – бездна, «иное» царство, смерть. Внутренний смысл Ани, его высокая трагедийная роль – именно в этой несводимой к единству антитетичности и антиномичности, которая сама смерть кладёт в основу новой жизни, понимаемой как ответ смерти и как её искупление, как достижение более высокого уровня духовности.

Своими истоками эти представления восходят к архетипу творения города, логическим продолжением которого является эсхатологический миф о его гибели. Однако большинство исследователей до сих пор не обращали внимания или не придавали значения тому, что анийские «креативный» и эсхатологический мифы не только возникли почти в одно и то же время (когда город ещё только нарождался), но и взаимоориентировались друг на друга⁹, выстраивая – каждый себя – как анти-миф по отношению к другому, имеющий с ним, тем не менее, общий корень. Это явление «обратной» зеркальности более всего говорит о внутренней антитетической напряжённости ситуации, в которой происходила мифологизация анийских данностей.

Армянские Помпей. Ани – город призрак. Город-некрополь

«И опустилась тьма на город греховный, и вышли из тени слуги Ада, и смертью любому грозила встреча с ними...».

Одна из самых существенных характеристик города в облике Ани и Арцна – это скрываемые под «румянами» изобилия и могущества города следы разложения и омертвения. В этих признаках легко угадывается скорая гибель Ани и его превращение в город мёртвых, своего рода «Некрополис». *«[Трупы] до предела заполнили город, – сообщает летописец, – пути пролагались по телам убитых. Множество перебитых, бесчисленные трупы – и большая река, протекавшая близ города, окрасилась кровью...».* Поэтому в городском пространстве Ани явно и недвусмысленно проступает чрезвычайно архаичная мотивная структура: городские дома превращаются в обиталище сов и шакалов, а бывшие жители *«свои могилы... нашли [в чреве] диких и домашних животных, ибо некому было похоронить и засыпать их землей».*

Характерно, что в коллективном бессознательном анийская тема всё так же тесно увязана с мотивам смерти. В этом смысле показательно упомянутое стихотворение О. Ширази: «Увидеть Ани и уж затем умереть...», где Ани недвусмысленно представлен как город мёртвых:

Չրծքիս սեղմեմ Անիս ավեր, բուերի տեղ սոխակ դառնամ,

Դառած երգ ու վարդի քաղաք՝ երգեմ Անին ու նոր մեռնեմ:

Для того чтобы слово Некрополь в анийском контексте прозвучало более понятно и осмысленно, напомним, что Плутос – бог подземного мира, который одновременно являет образ плодородия и богатства земных недр. Поэтому архе-

⁹ Ситуация, вполне сопоставимая с римской историей.

типическое сознание рисует Ани как плутократический город, скопивший несметные богатства, которые сокрыты в недрах города. И сейчас курды и турки с мистическим трепетом пересказывают легенды о том, что незадолго до того, как их варвары-предки захватили и уничтожили великолепный и златообильный город Ани, хитроумные и изворотливые армянские финансисты, купцы и церковные иерархи успели схоронить большую часть своих сокровищ в тайном подземном городе и наложили печать проклятия на единственный вход в это призрачное подземелье. Морок скрывает дверь в длинный коридор, ведущий к *сокрытым сокровищам*. И по сей день в городе имеются *сокровищные* знаки, с помощью которых можно найти дверь, ведущую к захороненным кладам, но прочесть и расшифровать эти знаки могут лишь сами армяне, потомки анийцев. Легенды об «армянском Эльдорадо» долгое время не давали покоя кладоискателям и «чёрным археологам», которые перекопали все окрестности и разграбили все армянские могилы, нанеся непоправимый урон древним памятникам.

И всё же, даже в своём нынешнем облике Город продолжает говорить с нами своими развалинами и отголосками давней истории, отдаваясь фантомными болями в нашем подсознании. Любой побывавший в Ани проникается необъяснимым, щемящим чувством, наполненным особой антитетической напряжённостью и взрывчатостью, некоей максималистской установкой как на загадку самых важных вопросов армянской истории, культуры, национального самосознания, так и на захват, вовлечение в свой круг тех, кто ищет ответ на эти вопросы. Возникает ощущение прорыва к «иной», более высокой реальности, которая осуществляется или с помощью интуитивного постижения целого, или путём вживания в усваиваемые себе образы Анийского текста. Призрачные миражные руины Ани и сегодня кажутся «фантастическим вымыслом», «сонными грёзами», а любой текст об Ани, своего рода «грёзами о грёзах». И тем не менее Ани принадлежит к числу тех сверхнасыщенных реальностей, которые немислимы без стоящего за ними целого и, следовательно, уже неотделимы от мифа и всей сферы символического. На иной глубине реальности такого рода города-фантомы выступают как поле, где разыгрывается основная тема жизни и смерти и формируются идеи преодоления смерти, пути к обновлению и вечной жизни. От ответа на эти вопросы, от предлагаемых решений зависит не только то, какой представляется истина, но и самоопределение человека по отношению к истине и, значит, его бытийственный вектор. Именно поэтому тема Ани мало кого оставляет равнодушным.

К сожалению, это порождает различные спекуляции на анийскую тему, являющиеся следствием искажающей суть дела идеологизации, приправленной особым видом дурного историзма, который, с одной стороны, берётся судить и рядить об Ани, в зависимости от общего отношения как к Городу, так и ко всему «анийскому» периоду армянской истории, а с другой стороны, берёт на себя ответственность решать, что хорошо и что плохо, и, главное, подводить некий нравственный баланс анийской темы. В данном случае речь идёт о непреодолимой эгоистической тенденции к нравственному комфорту, об отсутствии мужества стоять лицом к лицу с вопросом, который решить нельзя и в самой нерешённости и нерешаемости которого кроется его бесконечная глубина. «Говорить об Ани, – рефлексировать побывавший на развалинах города Хачатур Абовян, – значит трогать самую нежнейшую сторону истории Армении. При имени этого горо-

да воспламеняются те же чувства, которые возрождаются в душе каждого при виде Пальмиры, Вавилона, Карфагена и, наконец, Рима; где величие народа обогрето кровью, где создание ума и искусства человеческих погребено под тяжестью рокового удара времени – под прахом тленности.

Пусть рассказ историков восточных о многолюдстве, движении и богатстве этого города окажется нынешнему во многом сомневающемуся веку баснословным; пусть тысяча одна церковь, в нём воздвигавшиеся, почтутся одним только испещрением пылкого, игривого и цветистого воображения сынов Азии; пусть, наконец, и предание о пастухе, выстроившем и содержавшем церковь со своим причетом на свой счёт, и легенда о волшебном Гедар-Гяльмязе, или лабиринте, под сокровенными твердынями Ани притаивающемся, подумаются одним лишь преувеличением красноречия тех же стран и народов, об них свидетельствующих, – со всем тем, однако ж, и нынешний объём города, его обширность, его бесчисленные остатки и развалины богатых, огромных церквей, крепостей, башен, дворцов, мостов и карвансараяв, выстроенных из чистого, тёсаного камня, с той удивительной оригинальностью, изящностью, с той гениальностью и пышностью, каковую одна Индия, волшебница край, своими пагодами и храмами, своим богатством и драгоценностями, в состоянии может быть представить ещё в целом Востоке...»¹⁰.

Анийский текст – мощное полифоническое резонансное пространство, в вибрациях которого изначально звучат тревожные синкопы армянской истории и леденящие душу «злые» шумы времени. Великий текст этого города «напоминает» не только о себе самом, но и обо всей Армении, её бесконечно длинной и многосложной истории. Вместе с тем, текст Ани предупреждает об опасности повторения истории с её взлётами и провалами. И всё же, мы не можем не предполагать, или по крайней мере не надеяться, что многопластовый текст Великого Города имеет ещё и сотерическую функцию, знаменая которой должны быть однажды явлены, и тогда Ани, подобно Иерусалимскому храму, возродится в своём былом величии. Поэтому, вслушиваясь в исходящие от Ани исторические вибрации, мы чаем услышать в них некую гармоническую ноту, в которой можно было бы опознать намёк на какой-нибудь спасительный ресурс, на основании которого мы смогли бы сделать свой подлинный и благой выбор, как об некогда, подобно библейскому пророку ... О. Шираз.

...Մայրաքաղաք Երևանին Անին դարձնեմ մայրաքաղաք,
Պալատներով իր նորաթագ վեմեմ Անին՝ կյանքի կոչեմ:
...Ախուրյանի ջրերի պես մոռս փեշերն համբուրելով՝
Լցված կյանքով հազարազանգ՝ գրկեմ Անին, վերածնվեմ:

¹⁰ *Абовян Х. Поездка к развалинам Ани. (Размышления путевые). Статья 1. Полное собрание сочинений. Изд. Академии наук в восьми томах. Т. 8. С. 121.*

ԱՆԻ՝ ԱՐՔԱ ՔԱՂԱՔ: ԱՆՈՒՐՋ ՔԱՂԱՔ:
ՔԱՂԱՔ ԱՌԱՍՊԵԼ: ՔԱՂԱՔ ՈՒՏՈՊԻԱ

___ Անփոփում ___

___ Ե. Մարգարյան ___

Անին կարևոր դերակատարում ունի ինչպես հայ, այնպես էլ համաշխարհային պատմության համատեքստում: Դարեր շարունակ Անիի կերպարանքը զարդարված է եղել մի հպարտ թագավորի թագով: Մեր օրերում Անի «արքայական» շրջանը շարունակվում է պահպանվել առեղծվածային «Ոսկեդար» անվամբ: Այնուամենայնիվ, առասպելականացման և վերջինիս իրագործման անհրաժեշտությունը վկայում է նրա խորհրդաբանական լինելու իրողությունը: Հատկանշական է, որ հայերի մերօրյա հավաքական գիտակցության մեջ Անին մնում է որպես քաղաք- ուտոպիա: Ավելին, իր գրավիչ արտաքին տեսքով քաղաքը դեռ շարունակում է խոսել մեզ հետ՝ վերքեր թողնելով մեր ենթագիտակցության մեջ:

Сведения об авторе

Маргарян Ерванд Грантович – к.ист. н., доцент, заведующий кафедрой Всемирной истории и зарубежного регионоведения Российско-Армянского (Словянского) университета, старший научный сотрудник Института истории НАН РА. E-mail: margar.erv@mail.ru